

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМНЫЕ ПОДХОДЫ К ПРАВОВОМУ РЕГУЛИРОВАНИЮ ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ ЗЕЛЕННОЙ ЭНЕРГЕТИКИ

DOI 10.18572/2312-4350-2021-2-14-21

Клеандров Михаил Иванович,

доктор юридических наук, профессор,
член-корреспондент Российской академии наук,
главный научный сотрудник Института государства и права
Российской академии наук (ИГП РАН),
главный научный сотрудник Центра энергетического права
Санкт-Петербургского государственного экономического университета

mklean@ksrf.ru

Рассматривается проблематика базисных подходов к правовому регулированию отношений в сфере зеленой энергетики. Подвергается сомнению устоявшееся мнение, что в повышении температуры атмосферы планеты «виновата» промышленная деятельность человеческой цивилизации, в основе которой лежит использование углеводородов, на борьбу с чем ориентировано соответствующее правовое регулирование как в отечественном, так и в глобальном масштабах. Циклические изменения климата нашей планеты — в обоих векторах — носят в основном природный характер, и влиять на эти процессы современное человечество если и может, то в незначительных объемах. По-настоящему серьезную опасность для человечества уже сейчас представляют отходы человеческой жизнедеятельности, на борьбу с чем и следует переориентировать зеленую энергетику посредством изменения вектора ее правового регулирования.

Ключевые слова: энергетическое право, зеленая энергетика, правовое регулирование, антропогенные факторы.

GENERAL PROBLEMS OF APPROACHES TO THE LEGAL REGULATION OF RELATIONS IN THE GREEN ENERGY SPHERE

Kleandrov Mikhail I.

Doctor of Law, Professor

Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences

Chief Research Scientist of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (ISL RAS)

Chief Research Scientist of the Center for Energy Law of the Saint Petersburg State Economic University

The article reviews the range of problems of basic approaches to legal regulation of relations in the green energy sphere. The author casts doubts on the established opinion that the industrial activity of the human civilization based on the use of hydrocarbons is to blame for the increase in the temperature of the Earth's atmosphere, and thus challenges the corresponding legal regulation that is focused on combating this problem,

both on the Russian and global scale. Cyclic changes in the climate of our planet (in both vectors) are mainly of natural character, and if the modern mankind can influence these processes, it is just to an insignificant extent. A truly serious threat to the humanity is now posed by waste of human activity, and green energy should be refocused on combating this problem by changing the legal regulation vector.

Keywords: energy law, green energy, legal regulation, anthropogenic factors.

Уже несколько десятилетий центральной догмой в энергетическом секторе экономики является укоренившаяся убежденность: человечеству на нашей планете угрожает стремительно меняющийся в сторону повышения температуры климат — со всеми вытекающими из этого крайне негативными последствиями. А основной причиной этому служит деятельность человеческой цивилизации, прежде всего промышленных предприятий, недостаточно соблюдающих либо вообще пренебрегающих естественными требованиями экологической безопасности.

Довольно широко распространено мнение, что сейчас на нашей планете наступает шестое массовое вымирание биоты, при этом если предыдущие пять имели естественный характер (в результате чего не все живое вымерло), то наступающее шестое — не результат естественных законов природы (что бы это ни означало), а результат экологонесберегающей деятельности человечества. А алармисты даже утверждают, что мы уже прошли на этом пути точку невозврата. Доходит до того, что профессор Грегори Окин из Калифорнийского университета за 64 млн тонн углекислого газа, выбрасываемого ежегодно в атмосферу США, обвинил 160 млн собак и кошек, которые поедают слишком много мяса, и из-за процессов, связанных с его производством, выделяется названное количество углекислого газа, сравнимого с использованием 13 млн автомобилей в год. А ведь на нашей планете проживают приблизительно 400 млн кошек и 525 млн собак.

Соответственно, предполагается, что и правовое регулирование отношений в сфере обеспечения экологической безо-

пасности такой деятельности человеческой цивилизации не создает непреодолимых препятствий для ухудшения климата на Земле.

Другими словами, согласно этой догме на нашей планете неуклонно повышается температура, а как следствие — тают льды, повышается уровень Мирового океана (что грозит затоплением ряда низменных густонаселенных территорий планеты), ухудшаются погодные условия — в самом широком аспекте и повсеместно, повышается уровень загрязнения атмосферы выбросами (выделениями) углекислого газа, образуются и увеличиваются (правда, и уменьшаются тоже, но об этом алармисты не хотят говорить) озоновые дыры в атмосфере и т.д., и т.п.

И во всех этих угрожающих — в глобальном масштабе — процессах виновата, так получается, промышленная деятельность человеческой цивилизации, и прежде всего связанная с производством энергоресурсов и их использованием. И свою долю вины в этих процессах, соответственно, должны нести как энергетический сектор экономики, так и его правовое регулирование, а если посмотреть шире и глубже — его научное обеспечение.

Можно предположить, что естественной реакцией центральных властей нашего государства на эти тревожные сигналы представителей экологической науки послужили соответствующие нововведения 2020 года в Конституцию РФ. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 114 Конституции РФ Правительство РФ теперь «обеспечивает проведение в Российской Федерации единой социально ориентированной государственной политики... а также

в области охраны окружающей среды» (п. в), «осуществляет меры, направленные на создание благоприятных условий жизнедеятельности населения, снижение негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду, сохранение уникального природного и биологического многообразия страны, формирование в обществе ответственного отношения к животным» (п. е5), «создает условия для развития системы экологического образования граждан, воспитания экологической культуры» (п. е6). Не говоря уж о том, что в силу ст. 42 Конституции РФ (находящейся в неприкосновенной ее главе 2 «Права и свободы человека и гражданина») «каждый имеет право на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением».

Соответствующие законодательные и иные нормативные правовые акты, направленные в том числе на обеспечение выполнения названных конституционных положений, разрабатываются и принимаются для реализации в различных форматах, включая программно-стратегические. Например, Президент РФ Указом от 4 ноября 2020 года № 666 «О сокращении выбросов парниковых газов» обязал Правительство РФ в целях реализации нашей страной Парижского соглашения от 12 декабря 2015 года (то есть через 5 с лишним лет! — М.К.): а) обеспечить к 2030 году сокращение выбросов парниковых газов до 70 процентов относительно уровня 1990 года с учетом максимально возможной поглощающей способности лесов и иных экосистем и при условии устойчивого и сбалансированного социально-экономического развития РФ; б) разработать с учетом особенностей отраслей экономики Стратегию социально-экономического развития РФ с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года и утвердить ее; в) обеспечить создание условий для реализации мер по прекращению и предотвраще-

нию выбросов парниковых газов, а также по увеличению поглощения таких газов. При этом данный Указ вступил в силу со дня его официального опубликования.

Соответствующие акты стратегического уровня приняты и рядом зарубежных государств, но, как известно, далеко не всеми, в числе которых есть и некоторые промышленно развитые государства, которые, по логике Парижского соглашения (его не подписавших либо не ратифицировавших), в немалой мере виновны в выбросах углекислого газа в атмосферу.

Но мы-то это Соглашение подписали, ратифицировали и намерены строго выполнять. Предполагается жесткое — правовыми средствами — обеспечение соблюдения государствами положений Парижского соглашения и в более широком плане обеспечение с учетом этих положений устойчивого социально-экономического развития на нашей планете. Эти проблемы, в частности, в числе иных обсуждались 3 декабря 2020 года на площадке Валдайского дискуссионного клуба. Для создания каркаса климатического регулирования в России предлагается разработать инструменты зеленого финансирования и концепцию создания особой системы глобальной климатической юстиции (по примеру системы международной спортивной юстиции). Предполагается, что те государства, которые быстрее перейдут на деятельность через зеленую промышленность, зеленую энергетику, окажутся лидерами.

Схожие меры предпринимаются и в некоторых зарубежных государствах. Президент Франции Эммануэль Макрон, например, на встрече с членами гражданского конвента по климату (орган, случайной выборкой состоящий из 150 добровольцев, представляющий в более или менее равной степени разные слои общества, возрастные группы, мужчин и женщин, активно работающий над предложениями по улучшению экологической обстановки во Франции) в декабре 2020 года объявил, что собирается вынести на референдум по-

правку в Конституцию, которая сделала бы обязательной защиту окружающей среды и борьбу с изменением климата.

Однако следует учесть, что Парижское соглашение по климату пришло на смену Киотскому протоколу по климату. А там было далеко не все прозрачно и однолинейно, в том числе в сфере зеленой энергетики. Например, вскоре после заключения Киотского протокола появились мошенники, специализирующиеся на особенностях финансирования «зеленой» энергетики, причем международного уровня. Как рассказывает партнер консалтинговой фирмы Kulik&Partners Law.Economics К. Дозмаров, в 2014 году в России появились некие лица, которые предъявили кипу заключенных с облигами контрактов, похожих на инвестиционные: мол, они проведут работы по изоляции стоимостью миллиарды рублей и получают за них квоты на выбросы, которые они могли выгодно продать в Европу на соответствующем рынке. Чуть позже выяснилось, что под контракты заложен ряд «стратегических» активов газового холдинга, а стоящий за всем этим бенефициар-инвестор связан с властями США: оттуда, пока шли разбирательства, приходили письма с требованиями прекратить «выкручивать руки» американским инвесторам, иначе последуют санкции. По сути, это была крупная афера: какие-то работы велись, но далеко не в заявленных миллиардных объемах. К. Дозмаров полагает: «Если планируемая трансформация традиционной энергетики в зеленую начнет воплощаться в реальность, то, по моему мнению, это нанесет колоссальный удар по энергоемкой экономике России» [1].

А с фреоносодержащими холодильниками вообще, похоже, была организована крупномасштабная афера с целью вытеснить их с потребительского рынка неконкурентными методами. Были и иные характерные признаки ошибочных целей Киотского протокола. Задача нашего государства: подписав Парижское соглашение, не наступить на те же грабли.

То есть обозначенная выше центральная догма представляется не столь уж однозначной. Да и проблемы зеленой энергетики, в принципе, и, соответственно, правового регулирования отношений, связанных с ней, для своего решения требуют выхода за традиционно исследуемые в науке ограничения.

Так, важнейшим сегментом фундамента рассматриваемой здесь проблемы является вопрос: а правильно ли считать запасы углеводородного сырья, в том числе еще не открытого геологоразведкой, приносящего сейчас (как и в будущем, хотя, безусловно, в меньшем объеме) ущерб окружающей среде и являющегося серьезной базой устойчивого социально-экономического развития всей земной цивилизации, принадлежащими лишь нынешнему поколению? В конституционно-правовом смысле нынешнее поколение наших граждан можно рассматривать как субъект права. Что касается права собственности на природные ресурсы, включая еще не открытые геологоразведкой запасы углеводородного сырья, то тут положение сложнее.

До 12 декабря 1993 года (даты принятия ныне действующей Конституции РФ) все природные ресурсы, как это провозглашалось предыдущими конституциями СССР и РСФСР, являлись общенародной собственностью, что позволяло считать принадлежащими их к такому субъекту конституционного права, как народ.

Но в Конституции РФ от 12 декабря 1993 года, хотя в ее ч. 1 ст. 9 провозглашалось, что «земля и другие природные ресурсы используются и охраняются в Российской Федерации как основа жизнедеятельности народов, проживающих на соответствующей территории», тем не менее относительно права собственности на природные ресурсы в ч. 2 этой статьи Конституции закреплялась серьезная неопределенность: «Земля и другие природные ресурсы могут (! — М.К.) находиться в частной, государственной, муниципальной и иных формах собственности».

То есть если до 12 декабря 1993 года природные ресурсы, в том числе углеводородное сырье, включая неоткрытое геологоразведкой, находились в исключительной собственности государства и были по форме и по существу общенародной собственностью, что жестко регулировалось и охранялось правом, то с утра 13 декабря 1993 года государство и народ это исключительное право утратили. А как приватизировали государственную общенародную собственность — общеизвестно.

Но восстановление исключительности права собственности на природные ресурсы за государством, при всей неочевидности успеха сегодня, спустя почти 30 лет, в этом вопросе — полдела. Более значимый вопрос находится в стратиграфическом правовом поле [2].

Там было выявлено несколько составляющих стратиграфии правового поля, но здесь достаточно остановиться на двух — хронологических — векторах развития нашего государства: прошлом и будущем, исходя из проблематики, рассматриваемой в данной работе.

Оба вектора в хронологическом плане нашего государства теперь закреплены в Конституции РФ. Нововведениями 2020 года ч. 1 ст. 67.1 прямо провозглашено: «Российская Федерация является правопреемником Союза СССР на своей территории...»; а в ч. 2 этой статьи провозглашено: «Российская Федерация, объединенная тысячелетней историей, сохраняя память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, а также преемственность в развитии Российского государства, признает исторически сложившееся государственное единство». Это — вектор правосубъектности государства, направленный в прошлое.

А в преамбуле Конституции, оставшейся в неприкосновенности с момента ее принятия, провозглашено: «Мы, многонациональный народ Российской Федерации, соединенные общей судьбой на своей земле, <...> исходя из ответственности за свою родину перед нынешним и будущи-

ми (! — *М.К.*) поколениями...». Это вектор правосубъектности государства, направленный в будущее — в лице будущих поколений нашей страны.

Таким образом, стратиграфический метод исследования правового поля действия норм в сфере зеленой энергетики будет заключаться — при немонокронологическом подходе — в исследовании напластований взаимозависимых, взаимодействующих и взаимосвязанных норм сегодняшнего пласта норм и пласта норм недалекого прошлого как естественно обусловленной предтечи пласта норм сегодняшних, а также норм будущих.

Очевидно, что подлинная эффективность стратиграфического метода исследования правового поля появится при выходе за пределы монокронологического (линейного) подхода — при переходе к теоретическим проработкам полихронологических векторов правовой действительности и, что особенно важно, правоприменения. Другими словами, задача заключается в теоретическом обосновании подходов к исследованию правового поля прошлого (достаточно далекого) и будущего нашего общества в целом и энергетического сектора экономики в частности. А для того, чтобы не считать эти подходы схоластическим теоретизированием, непременно необходимо обозначить реальную прагматичность выхода на проблемы сегодняшнего дня. Эта прагматичность усматривается в постановке вопроса о праве собственности вообще и о праве собственности на запасы нефти и газа в частности, и рассматриваться она (и исследоваться, естественно) должна в обоих хронологических векторах.

Вектор, направленный не во вчерашнее прошлое, наглядно демонстрирует радикальное предложение объявить весь производственный капитал, образованный трудом предшествующих поколений, национальным имуществом России и обеспечить каждого из граждан России именной доходной бумагой (акцией), приносящей гарантированную государством долю

от хозяйственного использования национального имущества, представляется достойным тщательного изучения. Во всяком случае, ответ на вопрос, кому в прошлом в России принадлежали, а отсюда, соответственно, кому в сегодняшней России сейчас принадлежат (точнее, должны принадлежать) запасы нефти и газа, стоит искать именно здесь.

А вектор, направленный в будущее, позволяет поставить аналогичный вопрос в другой плоскости: с чего это мы взяли, что запасы углеводородного сырья принадлежат нынешнему поколению россиян (всему федеративному государству либо, так или иначе, обособленной группе граждан и т.п. — в данном случае неважно, речь идет сугубо о хронологическом аспекте)? Другими словами, а не являются ли также собственниками запасов нефти и газа в нашей сегодняшней стране такие принципиально новые для нас субъекты права, как будущие поколения россиян?

И если будущие поколения россиян рассматривать в качестве субъекта права и этот субъект «вмонтировать» в наше законодательство, прежде всего в Конституцию РФ, появится фундаментальная правовая основа обеспечения устойчивого развития России. А это и есть то, что можно будет назвать практическим результатом использования стратиграфического метода исследования правового фундамента энергетического сектора экономики.

Если принять во внимание достижения антропологических, тем более геологических исследований, то очевидно — климат на нашей планете на протяжении тысячелетий и миллионолетий многократно менялся, и весьма значительно, причем, что очевидно, без всякого вмешательства (воздействия на него) человечества. Более того, очевидно, что и сегодня достижения науки не способны создать климатическое оружие (за исключением узколокальной сферы), а значит, и сегодня в изменении климата на Земле (уже в глобальной сфере)

современное (тем более силами прежних поколений) человечество не виновно.

Да и какие изменения климата на Земле хотя бы за последние лет пятьдесят имели место объективно? Весьма незначительные, хотя, согласно пророчествам отдельных ученых (ученых ли?), человечество должно было уже погибнуть неоднократно. Может быть, эти пророчества (прогнозы) были инспирированы конъюнктурными соображениями?

Сегодня мы наблюдаем активный «наезд» на нефть, газ, уголь, нейтральное отношение в отношении гидро- и атомной энергетики и бурное восхищение ветроэнергетикой и солнечной генерацией. Но последние не так безопасны, как представляется, ни с точки зрения процесса их создания, ни с позиции их эксплуатации (жалобы недалеко от них проживающих граждан на резкое ухудшение самочувствия в период их работы далеко не беспочвенны), ни тем более когда их нужно утилизировать.

Однако для нашей экономики, каковы бы ни были ее устремления в ближайшее время «позеленеть» (а это не одномоментное явление), надвигается серьезная угроза в виде введения Евросоюзом углеродного налога. Что на практике означает: для разных видов нашей продукции, экспортируемой в страны Евросоюза, в том числе углеродов, будут устанавливаться лимиты на выбросы парниковых газов при их производстве. А за их превышение придется платить этот налог, могущий превысить, по расчетам специалистов, 4–5 млрд долларов США в год [3].

Можно сделать несколько принципиальных выводов.

А. Глобальных, влекущих гибель человечества, даже в ограниченных масштабах, изменений климата на Земле нет. Хотя в общей истории нашей планеты были периоды климатических изменений огромной амплитуды. Так, древнейшим длительным оледенением в истории Земли принято считать Гуронское оледенение,

начавшееся и закончившееся в палеопротерозое (2,4–2,1 млрд лет назад), его вызвал избыток кислорода в атмосфере планеты. Малые ледниковые периоды были и уже в период существования человека на Земле, в средние века в Европе и на Руси их, как известно, было несколько. При любых их причинах промышленная деятельность человечества здесь не при чем, в том числе в ситуациях смены этих малых ледниковых периодов на противоположные. Вопреки алармистским утверждениям некоторых климатологов о резком и неуклонном потеплении климата на Земле, климатические качели, похоже, качнулись в самое последнее время в иную сторону, и тут «виновно» непосредственно уже недавнее потепление, приведшее к замедлению Гольфстрима, а это влечет для Европы похолодание климата. И не промышленная деятельность человечества привела к этому процессу, да и не можем мы, во всяком случае пока, на него повлиять. А уж правовыми средствами — тем более, несмотря на попытки формирования отдельными отечественными учеными климатического права, которое при внимательном рассмотрении ни самостоятельным институтом права, ни тем паче отраслью права (и даже отраслью законодательства) «вряд ли можно охарактеризовать» [4].

Б. Колебания количества углеводорода в атмосфере Земли, как в сторону его увеличения, так и (гипотетически) в сторону уменьшения, от промышленной деятельности человечества зависят незначительно, что, впрочем, не означает, что в локальных масштабах это безобидно — достаточно оценить смог над некоторыми нашими (и зарубежными) городами с высокой концентрацией промышленных предприятий. Почему-то основной «удар» нацеливается на выбросы в атмосферу именно углеводородов, которого при оттаивании вечной мерзлоты от повышения температуры на планете действительно может освободиться много (вдвое превышающего количество углекислого газа, содержащегося

сейчас в атмосфере), но практически замалчивается проблема возможного выброса в атмосферу метана, гораздо более ядовитого и могущего образовать в десятки раз более мощное парниковое покрытие. Может быть, замалчивается потому, что человеческая цивилизация углекислый газ «производит», а метан нет? Ну так при оттаивании ледников опасно и оттаивание опасных для человечества вирусов, микробов, бактерий.

В. Промышленная деятельность человеческой цивилизации, хотя и не определяюще, «виновата» в очередном повышении содержания углекислого газа в атмосфере Земли, весьма серьезно угрожает человечеству в ином векторе — загрязнением отходами промышленной и иной человеческой деятельности жизненного пространства землян. Уже сейчас мы имеем огромные площади острова из мусора на поверхности океанов, микропластик в жабрах глубоководных обитателей моря, и т.д.

Небезынтересен вопрос и общегосударственного подхода к проблематике мусора. На памяти даже нынешнего поколения граждан нашей страны объявлялись различные «мусорные» реформы как в отношении бытового мусора, так и в отношении мусора технологического. А не столь давно специальный представитель Президента РФ по вопросам природоохранной деятельности, экологии и транспорта С. Иванов назвал мусор третьим возобновляемым источником энергии, наряду с солнцем и ветром: «Количество мусора в мире будет только расти, поэтому его можно назвать третьим возобновляемым источником энергии, наряду с солнцем и ветром» [5].

Если бы это было сказано «простым» человеком, озабоченным проблемами уничтожения все возрастающих отходов человеческой жизнедеятельности, то это было бы объяснимо и не влекло бы никаких последствий. Но это сказал «государственный» человек, а значит, должна последовать соответствующая реакция на эти слова в том числе и прежде всего в сфере

законопроектной деятельности, определяющей регулирование в векторе «зеленой» энергетики.

Между тем очевидно — с экологосберегающей точки зрения лишь малая часть мусора при его уничтожении может рассматриваться в качестве возобновляемого источника энергии. Это когда расходы энергии, полученной из невозобновляемых источников и требующиеся для уничтожения этой доли мусора, меньше, чем получаемая от этого уничтожения энергия. Но для уничтожения основной массы мусора расходы мусора, расходы энергии должны быть больше, подчас значительно больше (полиэтилен, пищевые отходы, упаковки и проч.), при производстве которых тратили, так или иначе, нефть и газ — невозобновляемые ресурсы; а в ряде случаев этот мусор просто крайне сложно и очень дорого уничтожить (текстиль из синтетических волокон, стекло...). Да и в печах мусоросжигательных заводов (в нашей стране намечено построить 25 таких заводов, и стоимость строительства их составит 1,3 трлн руб.), куда попадают и полимерные, и иные подобные отходы, выбрасывается много углекислого газа, относящегося к парниковым, которые (как считается в рамках названной выше центральной догмы) и губят наш климат.

Таким образом, можно предположить — отнесение уничтожения мусора к возобновляемой энергии является лишь политическим решением (непонятно почему), а облекать его в правовую форму без соответствующего эколого-экономического обоснования не следует.

С другой стороны, сегодня сама по себе проблема мусора как отходов жизнедеятельности человеческой цивилизации исключительно значима. В отечественных СМИ отмечается, что в России под свалками мусора занято 4,5 млн га — размер небольшой европейской страны, и мы просто не используем эту землю [6]; а уж как чувствуют себя люди, недалеко от них проживающие, и представить не хочется. Поэтому и представляется целесообразной концентрация усилий правового регулирования (как на «отечественном» фронтире, так и на международном) в сфере зеленой энергетики не на снижении выбросов углекислого газа, не на сокращении парникового эффекта, а на борьбе с мусором — главной угрозой современному человечеству. Естественно, остро необходимы здесь и соответствующие усилия правовой науки. Похоже, здесь вообще необходима новая научно-правовая алгоритмика решения обозначенной проблемы. ■

Литература

1. Карапетян Ю. «Право сужается, как шагреновая кожа». Будет ли расти спрос на юристов в области энергетики / Ю. Карапетян // Коммерсант. Юридический бизнес. Приложение № 45. 2021. 17 марта.
2. Клеандров М.И. Стратиграфический метод исследований применения норм нефтегазового законодательства / М.И. Клеандров // Российская академия юридических наук. Научные труды. Вып. 1. В 2 томах. Т. 2. Москва : Юрист, 2001. С. 328—336.
3. Российская газета. 2021. 7 апреля.
4. Гершиноква Д.А. Современный этап развития международного права окружающей среды — признаки формирования климатического права / Д.А. Гершиноква // Евразийский юридический журнал. 2014. № 5 (72). С. 80—85 ; Гольдин Г.Г. Неоспоримость климатических прав человечества и спорный характер дискуссии по ним / Г.Г. Гольдин, Л.О. Терновая // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2020. № 4 (59). С. 39—40.
5. Киселёв А. Проблема мусора в России решается самым простым способом. Приравнение сжигания отходов к возобновляемой энергии является исключительно политическим решением / А. Киселёв // Независимая газета. 2021. 19 марта.
6. Коммерсант. 2021. 31 марта.